

«Земельный
эмаль»
Сенников,
Короленко

съ пять такъ колонизировать, что не чаялъ я своей жизни сохранить. Страшней Грезитсы мнѣ по ночамъ сталъ, право.

Потомъ на людей сталъ кидаться. На перевозъ было дулянского мужика чурбакомъ шибъ. Ну, все это мы, значить, терпѣли... Ничего и не подѣлаешь. Онъ вѣдь тоже не понималъ тому дѣлу. Сколько разъ миромъ толковали. Молъ, онъ на малышей дѣтей не кидается, все только на большихъ. Ну, значить, большой-то какъ ужъ набудъ настопить самъ за себя, значить не податся... Такъ вотъ и терпѣли... А ужъ это послѣ, значить, онъ непорядокъ сдѣлалъ: въ церкви верхомъ на чурбакѣ прикатилъ, да къ самому крестному ходу. Значить, народъ за иконами идетъ, а онъ давалъ пона ругать скверно. А на тотъ случай въ церкви станомой. Меня же изругалъ. Вы-бы, говорить, какъ-нибудь... Чтобы этого больше не было... Ну и посадили. Миромъ и ковать доведется.

Этакъ потъ на поясъ обручъ желѣзной набилъ, кузнецъ сковалъ, потомъ значить за кольцо, да цепью къ стану... На грѣхъ онъ въ ту пору опаматовался, значить отошло отъ него... Плачетъ, не дается, бабы за нимъ... Ну, что дѣлать станешь. Миръ собрался, кулецы изготовились... Заковали. Такъ, съ этихъ мѣстъ и житье нестерпимо... Когда оклемаешь понять ничего: сидѣть, работать, сапоги тачаешь. Даже еще хозяинъ въ дому... Ужъ и хлыщутъ-же его, бабы-те... Батюшки! Страсть какъ колотятъ... Жена-то съ сестрой возьмутъ по веревкѣ, да съ обѣихъ сторонъ давай хлестать... А онъ на чепи-те вертится"...

Выслушиваетъ Бухвостовъ и объясненій несчастія своимъ собесѣдниками, относящимъ всю вину на счетъ невѣдомой темной силы, узнаетъ и о всѣхъ попыткахъ улучшить судьбу несчастнаго. Возили больного въ психиатрическую больницу, но выжили его оттуда обратно. «Пожалѣли какъ свое, значить все-таки, какъ-бы то ни было родное» и не рѣшились отдать его на «тиранство». Возвращенный и разстроенный рассказомъ, въ безсонную ночь литераторъ обсуждаетъ ужасъ положенія Герасима. Но мало по малу сознание полной невозможности какъ-либо измѣнить его положеніе приводитъ его къ чувству примиренія съ ужасной дѣйствительностью. Последнее чувство перерождается въ полное, безропотное смиреніе, когда онъ, случайно дойдя до избы Герасима, слышитъ кроткое пожеланіе смерти, произнесенное устами мученика, сопровождаемое подобными-же словами женщины, обреченной ходить за безумцемъ.

Совсѣмъ недавно мы вѣли случай говорить о небольшомъ рассказѣ г. Чехова «Новая дача». Есть въ этомъ рассказѣ, что-то общее съ двумя рассмотрѣнными въ настоящемъ фельетонѣ рассказами. Въ они появляются почти одновременно, разработаны совершенно своеобразно и раз-

личны по своей фабулѣ, но имѣютъ съ тѣмъ чувствуется, что уму всѣхъ названныхъ беллетристовъ предносилась одна общая мысль, ясно сказавшаяся въ морали этихъ произведеній, хотя и эстетически-объективныхъ. Въ рассмотрѣнномъ ранѣе рассказѣ г. Чехова мы видѣли, какъ честные, умные, добрые представители интеллигенціи сознали горькую невозможность сблизиться и сдружиться съ народомъ, который ихъ не понималъ и отъ нихъ отвернулся. Помѣщики въ рассказѣ г. Яснискаго, не менѣе честные и проникнутые лучшими намереніями люди, убѣждались въ безсиліи возродить мужичка, въ которомъ спитъ звѣрь, и видятъ въ разительномъ примѣрѣ грубое попраніе всѣхъ своихъ надеждъ. Гуманный и чуткій къ чужому горю герой очерка г. Короленко видитъ ужасы народной жизни, терзается надъ мыслью устранить зло и не находитъ иного выхода, кромѣ припаданія того, что при всемъ ужасѣ положенія Герасимъ нельзя измыслить ничего для него лучшаго и можно мечтать только объ его смерти. И въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ случаѣ—безсиліе интеллигента, не имѣющаго силъ ни приручить, ни возродить меньшого брата, и косность этого посябдника, не идущаго на встрѣчу шлю идущаго, но немедленно сходящаго съ пути туда, куда тянетъ его стихійная сила страсти. Въ результатѣ разочаровывающійся, усомнившійся въ своихъ силахъ, обидно оттолкнутый интеллигентъ и темная, жалкая, грубая «сила земли», порою даже не сознающая того, какъ мрачно ея существованіе. Это совпаденіе намъ кажется весьма замѣчательнымъ. Три беллетриста-художника, въ приложеніи къ которымъ слышится всякій упрекъ въ какихъ-либо узкихъ народническихъ тенденціяхъ или публицистической предвзятости, одновременно рисуютъ одни и тѣ-же недоразумѣнія отношеній, находятъ на своей палитрѣ одиѣ краски и избираютъ одинъ фонъ. По нашему мнѣнію, это безспорный признакъ того, что затронутый вопросъ, въ самомъ дѣлѣ, надрѣвший и роковой вопросъ дѣйствительности, занимающій умы лучшихъ представителей интеллигентнаго слоя, въ наше время, можетъ быть, еще неясно улавливаемое всѣми, но уже выскочило замѣтное для созерцающихъ очей и для внимающаго слуха.

А. Измайловъ.